

Major Arcana (Старшие Арканы, или Большая тайна) — так называется колода из 22 карт для гадания. Каждая карта обозначена цифрой от 0 до 21, и все они вместе с другой, большей частью (Minor Arcana — Младшие Арканы, или Малая тайна) из 56 карт составляют Таро (Tarok, Tarocchi). Возникновение Таро связывают с жрецами (иерофантами) и с элевсинскими мистериями в Греции. Есть также мнение, что Таро восходят к традиции культа Гермеса. Такими картами часто пользуются для гадания цыгане, которые, как считается, перенесли этот тайный «язык» из Халдеи и Египта в Израиль и Грецию, откуда он распространился по всему Средиземноморскому побережью. Насколько можно судить, Таро уже почти семь веков известны в Центральной Европе, Франции и Италии и в наши дни превратились в одну из популярных карточных игр. Самые старые из дошедших до нас карт Таро относятся к 1390 и 1445 годам (колода Minhiati из музея Корер в Венеции).

Major Arcana обычно делится на три группы по семь карт. Во время гадания смысл каждой

отдельной карты и сочетаний карт обычно истолковывает гадающий, которому известны уже их устоявшиеся значения (ключи), однако он может иметь и собственный набор ключей, то есть значений, который держит в тайне. Смысл карты Таро меняется в зависимости от того, легла ли она обычно или вверх ногами, — во втором случае ее значение противоположно основному. В наше время картам Таро и ключам к ним уделяется большое внимание в многочисленных пособиях и справочниках о картах, причем часто между ними существуют большие разночтения. Корни Таро уходят к глубинам символического языка, общего для человеческого сознания. Символика и ключи Таро связаны с Древней Грецией, с каббалой, с астрологией, с нумерологией и т. д. Мистической силы и эзотерической мудрости Таро достигают через свою двадцать первую инициацию (таинственное превращение) Шут — карту, которая символическим образом является одновременно нулевой, центральной и последней картой Большой тайны Таро.

Из одной энциклопедии

***Ключи
Большой тайны
для дам одного
и другого пола***

ОСОБЫЙ КЛЮЧ

ШУТ

Кроме своего родного языка, он говорил по-гречески, по-французски, по-итальянски и по-турецки, на свет появился в Триесте, в семье богатых сербских купцов и меценатов Опучичей, владевших на Адриатике кораблями, а на берегах Дуная — полями пшеницы и виноградниками, с детства служил в воинской части своего отца, кавалерийского офицера французской армии Харлампия Опучича, знал, что и в атаке, и в любви выдох важнее вдоха, носил роскошный кавалерийский мундир, даже в самые сильные холода спал на снегу под повозкой, чтобы не тревожить свою русскую борзую, находившуюся внутри с целым выводком щенков, в разгар боя

мог расплакаться из-за испорченных желтых кавалерийских сапог, самовольно оставил однажды службу в пехотном отряде, чтобы не расставаться со своим кавалерийским обмундированием, страстно любил хороших лошадей, хвосты которых заплетал в косы, заказывал себе в Вене серебряную посуду, обожал балы, маскарады, фейерверки и как рыба в воде чувствовал себя в салонах и гостиных среди музыки и женщин.

Отец говорил о нем, что он неуправляем, как ураган, и постоянно идет по краю пропасти, он же попеременно походил то на мать, то на деда, то на еще не родившихся сына или внуку. Был он человеком очень видным, выше среднего роста, белолицым, с ямкой на подбородке, похожей на пупок, и волосами длинными, густыми и черными, как уголь. Брови он искусно закручивал, как это обычно делают с усами, а усы его были заплетены в две плетки. На бесконечных дорогах войны, протянувшихся по Баварии, Силезии и Италии, он вызывал восхищение женщин своей фигурой, манерой держаться в седле и длинными, всегда хорошо расчесанными волосами, когда, утомленный долгими переходами и тяготами военной жизни, сушил их, сидя возле огня в какой-нибудь придорожной корчме. Иногда его поклонницы шутки ради переодевали его в женскую одежду, втыкали в волосы белую розу, вытряхивали из него последний грош на танцульках, уступали ему, больному и усталому, свои постели и со слезами на глазах прощались с ка-

валеристами, когда те покидали зимние квартиры. А он говорил, что все его воспоминания уместаются в походном ранце.

С чужой, женской, улыбкой на лице, через которую у него проросла борода, молодой Опуич вместе с отцом проскакал, еще подростком, а позже уже сам, как офицер французской кавалерии, по всей той части Европы, которая протянулась от Триеста и Венеции до Дуная и оттуда до Ваграма и Лейпцига, и вырос на французских биваках, отмечая каждое свое новое десятилетие новой войной. Госпожа Параскева Опуич, его мать, напрасно посылала ему «пирожные с грустными грецкими орехами». Молодой Софроний стал отцом своего дьявола раньше, чем ребенка. Одним глазом он был в бабку по матери, которая прежде всего была гречанкой, а вторым — в отца, который в конечном счете был сербом, поэтому молодой Опуич из Триеста видел мир косыми глазами. Он шептал:

— Бог — это Тот, Который Есть, а я тот, которого нет.

Он носил в себе с самого детства хорошо запрятанную большую тайну. Он будто чувствовал, что что-то с ним как с существом, принадлежащим к человеческому роду, не совсем так, как надо. И естественно было его желание измениться. Желал он этого тайно и сильно, немного стыдясь такого желания, как чего-то неприличного. Все это походило на легкий голод, который, как боль, сворачивается под сердцем, или на легкую

боль, которая пробуждается в душе подобно голуду. Он, пожалуй, и не помнил, когда именно проклюнулось это скрытое томление по перемене, принявшее вид маленькой, бесплотной силы. Словно он лежал, соединив кончики среднего и большого пальцев, и в тот момент, когда на него навалился сон, уронил руку с кровати и пальцы разъединились. И тогда он встрепенулся, будто выпустив что-то из рук. На самом деле он выпустил из рук себя. Тут появилось желание. Страшное, неумолимое, тяжелое настолько, что под его грузом он начал хромать на правую ногу... Или, как ему иногда казалось, это произошло в другой раз, давно, когда он в тарелке, полной тушеной капусты, обнаружил чью-то душу и съел ее.

Как бы то ни было, но в нем зародилось загадочное и сильное движение. Трудно сказать, что же это было — возможно, какие-то головокружительные амбиции, связанные с его собственным и отцовским призванием военного, какое-то непостижимое томление по новому, истинному врагу и разумным союзникам, стремление поменяться местами в отношениях с отцом; возможно, не давала покоя тяга к югу, где его, императорского кавалериста, манили к себе когда-то простиравшиеся здесь до самого Пелопоннеса погибшие балканские царства, и в нем говорила кровь его бабки, гречанки, чей род создавал свое огромное богатство на торговле между Европой и Азией. А возможно, дело было в каком-то тре-

тьем счастье и желании, из тех, мутных и сильных, которые заставляют лицо человека постоянно меняться. Оно то выглядит таким, каким будет в старости, то таким, каким было в те дни, когда его хозяин еще прислушивался к мнениям окружающих. Потому что лицо человека дышит, оно вдыхает и выдыхает время.

С тех пор он постоянно и много работал над тем, чтобы что-то существенным образом изменить в своей жизни, чтобы мечта, томившая его, стала реальностью, но все это приходилось делать как можно более скрытно, поэтому его поступки часто оставались непонятными окружающим.

Теперь молодой Опуич, скрывая ото всех, носил под языком камень как тайну, или, говоря точнее, — тайну как камень, а его тело претерпело одно изменение, которое трудно было скрывать и которое постепенно стало известно всем как легенда. Сначала это заметили женщины, но они ничего не сказали; потом, уже вслух, на эту тему начали шутить офицеры в его полку, после чего о нем заговорили по всему театру военных действий.

— Он прямо как женщина. Всегда может! — смеясь, говорили служившие вместе с ним офицеры. Молодой Опуич с того самого, решающего дня шел по свету с тайной в самом себе и со всегда готовым к бою мужским копьём под животом. Именно тогда его одиннадцатый палец выпрямился и начал считать звезды. И оставался

таким всегда. Ему это не мешало, скакал верхом он по-прежнему весело, но о своей тайне, которая могла быть причиной всего, не рассказывал никому и никогда.

— Дурака валяет, — говорили офицеры из его полка и продолжали марш на северо-запад, в направлении неизвестности. На покрытую грязью солдатскую дорогу он вступил по желанию отца, но самого его, капитана Харлампия Опуича, почти никогда не встречал. Иногда ему вспоминалось, как отец ночью в их огромном доме в Триесте среди мрака поднимает с подушки голову и бесконечно долго прислушивается.

— К чему он прислушивается? — с удивлением спрашивал себя мальчик. — К дому? Войне? Времени? Морю? Французам? Своему прошлому? Или он прислушивается к страху, который проникает из будущего? Ведь будущее — это конюшня, из которой является нам страх.

А потом мать заставляла отца положить голову на подушку, чтобы он не заснул в таком положении, с вытянутой шеей и настороженными ушами. Опуич-старший вызывал страх и у подчиненных, и у тех, кто им командовал, а сына своего любил больше, чем его мать. И заботился о нем через огромные расстояния постоянно перемещавшихся на протяжении жизни полей боев. Сын не видел его давно и даже не знал, как выглядит отец и сможет ли узнать его при встрече. Не говоря о матери в Триесте. Не случайно она сказала о сыне:

— Этот из двух кровей замешен — сербской и греческой. Бессонницу хочет превратить в радугу, а сон — в лавку, где торгуют.

На самом же деле поручик Софроний Опуич был похож на своих борзых. Он слышал и видел из-за угла. Он давно уже стал солдатом, он видел и победу при Ульме, когда ему только что исполнилось четырнадцать лет, и поражение в Пруссии в двадцать два года, но в глубине души по-прежнему оставался сопляком. Он все еще за одним углом видел отца, а за другим слышал мать. И страстно желал встречи с ними. Он не знал, кто он такой.

Семь первых ключей

ПЕРВЫЙ КЛЮЧ
МАГ

— Не желаете ли, чтобы я покормила вас грудью, *mon lieutenant*? — спросила молодого Опуича девушка, стоявшая перед большим шатром в предместье Ульма.

Внимание поручика привлекла птица, которая над шатром на сильном ветре летела, оставаясь на одном месте, будто была привязана. Из шатра раздавался мужской голос, певший «Воспоминанья — это пот души», и Опуич заплатил и вошел.

Внутри на столе стоял Маг, опоясанный змеей, державшей во рту свой хвост, и пел. В его волосах были красные розы. Заканчивая песню, он, словно прицелившись, направил свой высокий

голос через один из клыков во рту прямо на птицу, застывшую в воздухе над шатром, и сбил ее звуком, как стрелой. Затем предложил свои услуги посетителям. Он мог съесть имя любого из присутствующих всего за четверть наполеондора, а за чуть большую сумму не только имя, но и фамилию.

— Того, кто согласится, никогда больше не будут звать так же, как звали до прихода сюда! Если у вас есть ключи от дома, а сам дом разрушен войной, я могу его восстановить в самых мельчайших деталях, просто бросив ключи в медный котел, потому что каждый ключ отзывается звуком, описывающим в ухе с абсолютной точностью форму и размеры того помещения, которое он запирает.

Под конец Маг предложил присутствующим задумать по одному желанию, с тем что он попытается способствовать их исполнению, а *mademoiselle Marie* на выходе каждого из присутствующих господ с радостью угостит молоком из собственной груди в знак благодарности за то, что они посетили это место. Когда пришла очередь загадывать желание Опуичу, Маг, несмотря на то что присутствующие свои желания вслух не сообщали, заметно забеспокоился, слез со стола и выскочил из шатра.

«Любой день содержит хоть что-то разумное, и любой цветок — хоть немного меда», — подумал Опуич и, догнав Мага, схватил его за шиво-

рот, а затем, усевшись на стоявшую тут же бочку, усадил себе на колено.

— Высуни язык! — приказал он ему, что и было тут же исполнено. — Дождь идет?

Маг кивнул, хотя никакого дождя не было.

— Врешь! Ты что же, думаешь, что сможешь играть со мной, как с той птицей, которая летит, оставаясь на одном месте, над твоим шатром? Тебе известно, кто я такой?

— Известно, поэтому я и хотел убежать. Ты сын капитана Харлампия Опуча из Триеста.

— Хорошо, перейдем тогда к делу. Ты действительно можешь помочь исполнению желаний?

— В случае с тобой не могу. Но я знаю, где это возможно. И расскажу тебе по секрету. В Константинополе в одном храме есть колонна, к которой прикреплен медный щит. В центре щита отверстие. Тот, кто думает о своем желании, засовывая в это отверстие большой палец и ладонью описывая круг так, чтобы ладонь ни на миг не отделилась от медной поверхности щита, а большой палец не покинул отверстия, — будет услышан. Но только смотри, будь осторожен, мой господин. Когда Бог хочет кого-нибудь наказать, он одновременно одаряет его и исполнением желания, и бедой. Возможно, он поступает так только со своими любимцами, мы этого не знаем, но в любом случае нам это безразлично, мы люди маленькие. Поэтому, мой господин,

берегись. И не забывай песню «Воспоминанья — это пот души».

— Ни одному твоему слову не верю, — ответил ему поручик, — но все же задам тебе вопрос. Можешь ли ты помочь мне разыскать моего отца? Я не видел его с тех пор, как камень похудел, а ветер прибавил в весе. Знаю только, что он отступал в сторону Лейпцига, а где находится сейчас, не имею представления.

— Тут я тебе не помощник, могу только сказать, что в этот самый шатер по четвергам приходит компания жуликов и шарлатанов, они показывают здесь представления для легковерных. И есть у них одно о смертях капитана Харлампия Опуича, твоего отца.

— О каких смертях? Он же жив!

— Знаю, господин поручик, что жив. Но так называется представление: «Три смерти капитана Опуича».

— Ни одному твоему слову не верю, — повторил поручик и отправился спать.

Однако в четверг он занялся расспросами. Оказалось, что действительно в шатре Мага давали представление о трех смертях Харлампия Опуича, его отца. Войдя в шатер, молодой Опуич схватил первого попавшегося из ряженных и спросил, как они посмели изображать смерть живого человека, на что тот спокойно ответил:

— Знаете, за это представление нам лично заплатил сам капитан Харлампий Опуич, который,

сударь мой, очень любит артистов и оказывает покровительство и помощь и нам, и театру. Сейчас он находится где-то на Эльбе.

Знавшему, конечно же, что его триестские Опуичи издавна были театральными меценатами, поручику Софронию Опуичу не оставалось ничего другого, как сесть и посмотреть спектакль. Артисты, находившиеся в шатре, увидев его, просто окаменели. Они узнали его. Он попросил их, не стесняясь, начинать.

Сначала перед зрителями появился какой-то человек с чужой бородой и во французском мундире. Он играл капитана Опуича. Вокруг него стояли четыре женщины и девочка. Одна из женщин обратилась к нему:

— Чтобы сразу было ясно, в чем дело, имей в виду, что я вовсе не дух твоего прадеда по материнской линии и не он сам в обличии вампира. Он умер, и от него не осталось ничего, ни духа, ни тела. Но постольку, поскольку смерти не умирают, здесь стою я. Я его смерть. А рядом, возле меня, смерть твоей прапрабабки. Это все, что от нее осталось. Если с этим все ясно, двинемся дальше. Твои предки, таким образом, имели только по одной смерти. С тобой не так. У тебя будет три смерти, вот они. Эта старуха, что стоит здесь, и красавица рядом с ней, и девочка — вот три твои смерти. Посмотри на них хорошенько...

— И это все, что от меня останется?

— Да. Это все. Но это не так уж мало. Однако имей в виду, капитан, ты не заметишь своих

смертей, ты верхом проскачешь под ними, как под триумфальной аркой, и продолжишь свой путь так, будто ничего не случилось.

— А что же произойдет после моей третьей смерти, после того как я в третий раз стану вампиром?

— И тебе и другим будет некоторое время казаться, что ты еще живешь, как будто ничего не случилось, и так будет до тех пор, пока не придет к тебе последняя любовь, пока не засмотрится на тебя та женщина, от которой ты мог бы иметь детей. Тогда ты тут же исчезнешь на глазах всего света, потому что у третьей души не может быть детей, так же как у того, кто в третий раз становится вампиром, не может быть потомства...

Потом в шатре наступил полный мрак и слышался рев медведя. Когда сцена вновь осветилась, оказалось, что там человек во французском мундире (который изображал капитана Опуича) не на жизнь, а на смерть борется с огромным медведем. Человек нанес зверю удар ножом, и тот в предсмертной судороге залил его мочой и придушил. Оба рухнули на землю... Зрители зааплодировали, актеры поделили между всеми сидящими в зале по ложечке кутьи за упокой души убитого, и кто-то предположил, что это и есть первая смерть капитана Харлампия Опуича. На очереди была вторая.

Перед зрителями появилась красавица из первого действия и сказала:

— Вы, люди, не умеете измерять свои дни. Вы мерите только их длину и говорите, что день длится двадцать четыре часа. А дни ваши иногда имеют и глубину, причем большую, чем длина, и глубина эта может достигать месяца или даже года длины дней. Поэтому вы не можете окинуть взглядом свою жизнь. Не говоря уж о смерти...

При этих словах в шатер верхом на коне въехал капитан Опуич. В одной руке он держал подзорную трубу, а в другой — плетку, которой разгонял перед собой публику. Вслед за ним появился человек с ружьем, одетый в австрийский мундир. Капитан обернулся и поднес трубу к глазу. Австрийский офицер вскинул ружье и, выстрелив, через трубу убил его. Капитан рухнул на землю, конь, освободившись от узды, галопом ускакал в ночь... Это была вторая смерть капитана Опуича. И снова раздали кутью за упокой его души.

Тогда на сцену вышла девочка из первого действия и поклонилась:

— Не уходи! Моим мертвым плохо сегодня вечером; засунь мне палец в ухо, чтобы я и во сне знала, что ты здесь. Слушай! Сердце во мраке отстукивает сумму чьих-то лет, которые исполняются в нас...

Это было предвестием третьей, самой младшей смерти капитана. На сцене стояла ночь (такая же, как и за стенами шатра). Два человека с фонарями и саблями шли навстречу друг другу. Было очевидно, что это дуэль. Один из них

изображал капитана Опуича (во французском мундире), а другой — австрийского офицера. Тот, что изображал Опуича, вдруг остановился, воткнул саблю в землю, повесил на нее фонарь, а сам, отступив в сторону и намереваясь напасть на соперника со спины, стал подкрадываться к нему в темноте, следя за тем, как тот нерешительно стоит с фонарем в руке в нескольких шагах от него и не понимает, что задумал его враг и почему остановился. В этот момент, совершенно того не ожидая, Харлампий Опуич в темноте напоролся прямо на штык австрийца, далеко от его сабли и фонаря, которые он тоже хитроумно оставил воткнутыми посреди дороги. И это стало третьей смертью капитана Харлампия Опуича.

«Ничего не понимаю», — думал молодой Опуич, покидая шатер.

В этот момент у себя за спиной он услышал голос:

— Тем лучше, что не понимаешь!

Оглянувшись, поручик увидел Мага с розами в волосах и спросил его:

— Где же правда? Жив мой отец или нет?

— У каждого человека не одно прошлое, а два, — отвечал Маг, — одно называется «Замедление», это прошлое растет вместе с человеком с самого его рождения и ведет к смерти. Второе прошлое называется «Ход», и оно возвращает человека к его рождению. У них разная продолжительность. В зависимости от того, какое из них

СОДЕРЖАНИЕ

Ключи Большой тайны для дам одного и другого пола	7
Семь первых ключей	17
Семь вторых ключей	93
Семь третьих ключей	137
Как читать карты Таро	191
Толкование	194
Карты Таро	199